
DOI 10.15393/j9.art.2014.728

Иван Андреевич Есаулов

*профессор кафедры русской классической литературы и словесности,
Литературный институт им. А. М. Горького
(Москва, Российская Федерация)
jesaulov@yandex.ru*

КАТЕГОРИИ ЗАКОНА И БЛАГОДАТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость нового понимания произведений Лермонтова на основе тех категорий русской филологии, которые возникли в последние десятилетия. Все они так или иначе восходят к представлениям о единстве русской культуры и актуализируют различные аспекты этой культуры. В художественном мире Лермонтова доминирует ментальная модель предпочтения «сверхзаконной» свободы «законнической» необходимости. Тот идеал, осуществления которого желал бы Лермонтов, как и ряд его героев, невозможно достичь не только в России, либо в любой другой стране, но и вообще на земле. Сверх-законные отношения присущи, скорее, идеальному пространству Святой Руси, нежели исторической России. Но именно эти сверхзаконные отношения опознавались как русскими писателями, так и их читателями как своего рода духовный, этический и эстетический ориентир. За столкновением «идеала» и «действительности», которое исследователи чаще всего возводят к романтической парадигме, мерцает фундаментальная оппозиция Закона и Благодати, пронизывающая собой всё пространство русской литературы, как средневековой, так и новой.

Ключевые слова: Закон, Благодать, христоцентризм, Лермонтов, новое понимание

В поэтике Лермонтова обращает на себя внимание резкое неприятие автором «законнических» (фарисейских) норм жизни. Если в данном случае не рассматривать исключительно социологические (марксистские) и интерпретации, то подобное отторжение от обывательских (расхожих, принятых в современном автору обществе) моделей поведения, как правило, объясняли влиянием романтической эстетики — со свойственной ей резкой оппозицией ценностей филистеров и романтического персонажа. Однако такого рода истолкования не являются вполне исчерпывающими и не всегда удовлетворительно интерпретируют аксиологию Лер-

монтова и творческие принципы создания им собственного художественного мира. В сущности, подобные объяснения исходят из универсалистских представлений о природе художественного творчества, общих для, по крайней мере, европейской эстетики и недостаточно учитывают особенности национального космоса, характерно преломившиеся в художественных произведениях Лермонтова.

Представляется корректным и продуктивным в научном отношении обозначить «роль и границы предания» (А. Н. Веселовский), христианского предания в произведениях Лермонтова. Без этого любые рассуждения о поэтике будут заведомо неполными. Речь идет не о механической трансляции православной догматики на художественные тексты, а о более сложных (опосредованных) отношениях. Хотя в русской филологической традиции и имеются исследования, в которых ставилась задача проанализировать творчество интересующего нас автора в контексте русской православной культуры, а в последние десятилетия такой подход актуализировался [1], [5], [6], [7], [8], что свидетельствует о преодолении былых заблуждений и предубеждений, однако в аспекте соотношения категорий Закона и Благодати [2], [3], [4] художественный мир Лермонтова и его поэтика концептуально еще не рассматривались.

За оппозицией Закона и Благодати мерцает со- и противопоставление «законничества», имеющего еще ветхозаветные культурные и религиозные корни, но возродившегося в новоевропейском самодовольном филистерстве, и христианской свободы духовного самоопределения. Эта оппозиция намечает два возможных способа ориентации человека в мире: самоутверждение в земной жизни и духовное спасение, для достижения которого необходимо освободиться от «рабства» земных забот и условностей. Благодать понимается как результат спасительного воздействия на человека Святого Духа и противопоставляется Закону как категория сверхзаконная, а потому и словно бы «отменяющая» все правовые («законнические») отношения. Безблагодатное («механическое») следование закону трактуется в традиции православного христианства как рабство и несвободное подчинение необходимости; как заповеди, идущие не от Бога,

но «придуманые» человеком (например, «римское право» и вообще идея «правового пространства»); как формальные рамки абстрактной «нормы», не могущие предусмотреть многообразия конкретных жизненных коллизий; как «мертвая буква», убивающая жизнь и препятствующая духовному спасению; как нечто противоположное Царству Божию. Поэтому освобождение от «пут» закона часто понималось как некий идеальный (благодатный) ориентир для России. Можно сказать, правда, что сверхзаконные (благодатные) отношения присущи, скорее, идеальному пространству Святой Руси, нежели исторической России. Но именно эти сверхзаконные отношения опознавались как русскими писателями, так и их читателями как своего рода духовный, этический и эстетический ориентир.

В художественном мире Лермонтова кратко охарактеризованная нами выше ментальная модель предпочтения «сверхзаконной» свободы «законнической» необходимости так или иначе присутствует во многих произведениях. Без правильного понимания этого сверхзаконного этического ориентира и его значимости для поэта может искажаться истолкование многих его произведений. Его нужно иметь в виду, например, пытаясь интерпретировать «мятежный» Парус в одноименном стихотворении, потому что парадоксальное соединение «бури» и «покоя» («Как будто в бурях есть покой!»¹) свидетельствует не только о «романтическом» отталкивании от филистерских представлениях о «счастье», но и о неудовлетворенности земным как таковым, о попытке прорыва — в данном случае через «бурю» — к такой цели, которая вряд ли достижима вообще на земле, о радикальном отказе от самодовольной удовлетворенности этим земным, о взыскании иного Града, имеющего — в своем последнем пределе — неземные духовные атрибуты.

Поэтому крайне ошибочной представляется тенденция истолкования подобных лермонтовских текстов в рамках, заданных еще революционно-демократической парадигмой: как «критику», более или менее открытую или завуалированную, недолжной русской действительности. Того, что взыскует Лермонтов, как и ряд его героев, невозможно до-

стичь не только в России либо в любой другой стране, но и вообще на земле. Ибо еще митрополит Иларион относил Закон к земному, а Благодать — к небесному.

Оппозиция Закона и Благодати не только наличествует, а является структурообразующей в «Песне про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

С позиций Закона «нарушителем» нормы является, прежде всего, опричник Кирибеевич. Он домогается любви замужней женщины Алёны Дмитревны, хотя отлично знает о незаконности своей любви:

...красавица
В церкви Божией перевенчана,
Первенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому (2, 420).

Хотя речь идет о насилии над чужой женой, а не о ее добровольном согласии на подобные ласки и поцелуи, но и сама Алёна Дмитревна воспринимает это незаконное домогательство как позор и срам для себя («Опозорил он, осрамил меня, / Меня честную, непорочную» » (2, 424)), и точно так же воспринимают это насилие и «злые соседки», которые «смеючись, на нас пальцем показывали...» (2, 424).

Но как можно искупить «позор»? Можно это сделать на путях Закона («правового поля»), например, пожаловавшись «грозному царю» Ивану Васильевичу. Почему так не поступает купец Калашников? Только ли потому, что опричник Кирибеевич — «верный слуга», приближенный самому царю? Вряд ли. Разрешение на путях Закона вряд ли способно — согласно русской духовной традиции — восстановить поруганную честь. Потому что на самом деле картина соблазнения чужой жены в данном случае не только нарушение человеческого Закона (нарушение правовых норм), но и попрание Божией правды: попытка насильственного соблазнения Алёны Дмитревны происходит, когда она возвращается из церкви «от вечерни» (т. е. вечерней службы). То, что Кирибеевичу удалось сорвать платок с замужней женщины (и она прибежала домой «простоволосая» — т. е. с непокрытой

головой), — уже означает поправление ее чести. Но не только ее, а и всей семьи Калашниковых (купец Степан Парамонович объясняет своим братьям, что «опозорил семью нашу честную / Злой опричник царский Кирибеевич» (2, 425)). В лермонтовской поэме честь восстанавливается через богатырский поединок (иными словами, не по суду, а по совести).

«Удалой Кирибеевич» не знает соперников в кулачном бою. Он не только «верный слуга» царя Ивана Грозного, но и его «лучший боец». Сам кулачный бой, отчасти напоминающий позднейшие дуэли, в данном случае имеет определенные правила и предполагает царскую награду победителю: «Кто побьет кого, того царь наградит, / А кто будет побит, тому Бог простит!» (2, 426). Однако «побит» не означает — «убит». Купец Калашников выходит на бой, чтобы именно убить (а не только «побить») Кирибеевича. Тем самым и Калашников, а не только Кирибеевич, нарушает Закон (в данном случае условия кулачного боя).

Поэтому царь Иван Васильевич, выяснив, что убийство произошло намеренно («вольной волею»), а не случайно («нехотя»), вершит свой царский суд, казнив победителя. Как истолковать смысл коллизии? С точки зрения Закона (права) — купец Калашников — нарушитель, преступник (он переступил нормы Закона), но с позиций, укорененных в русском народном сознании, — он не беззаконник (как Кирибеевич), а становится выше Закона, потому что поступает по совести (по Благодати). В данном случае не месть является побудительным действием купца, а восстановление справедливости, которое парадоксальным образом вполне согласуется с русской православной традицией, как она бытует в народной среде. Как это показывает Лермонтов текстуально? Например, подчеркивается, что первым бьет купца Калашникова именно его противник. При этом спасает героя — медный крест, но не только:

На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала (2, 429).

В русской православной традиции, как известно, чрезвычайно значимо почитание мощей святых: в данном же случае под «мощами из Киева» подразумеваются самые чтимые мощи святых из Киево-Печерской Лавры: одной из колыбелей русского Православия. Неявным образом эта чудесная защита от удара соотносится с Благодатью (мощи святых в русской традиции всегда благодатны). Ответный удар — «прямо в левый висок со всего плеча» — оказывается для противника Калашникова смертельным. Итак, речь идет не просто о победе в поединке, но и о сознательном убийстве:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею (2, 429).

Убийство человека — всегда грех (поэтому Степан Калашников и просит братьев — «Помолитесь сами в церкви Божией / Вы за душу мою, душу грешную» (2, 431)), однако, так сказать, в данном случае грех, получающий авторское оправдание (однако, подчеркнем, не в категории Закона, но в сфере Благодати).

Речь идет об особом сверхзаконном воздаянии. В русской духовной традиции оно восходит к иерархии Нового и Ветхого Заветов, речь идет о «справедливости» более высокого порядка. Обратим внимание на своего рода благодатный «катарсис» лермонтовской поэмы. Грозный царь Иван Васильевич требует у Степана Парамоновича ответа «по правде, по совести», хотя за этот ответ «по совести» и отправит его затем на казнь. Калашников отвечает, не пытаясь обмануть царя, хотя и зная, что за этот ответ (намеренное убийство) его казнят. Он знает о своей вине:

Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную (2, 430).

Однако о причинах убийства не говорит и царю: «А за что про что — не скажу тебе, / Скажу только Богу единому» (2, 429) (иными словами, он готов держать ответ перед Богом, перед Божиим Судом, т. е. уже после смерти, ибо земной жизнью, по христианским представлениям, человеческое существование не заканчивается). Поэтому мы вполне можем

предположить Божью милость (прощение) — по отношению к Степану Парамоновичу (хотя и за пределами его земной жизни). Но и русский царь оказывается милостив, несмотря на казнь самого героя (как его и просит Калашников):

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно (2, 430).

Почему *милость*? Потому что и царская милость, как и у Пушкина в «Капитанской дочке», в данном случае относится к сфере сверхзаконных отношений. Она даруется убийце царского любимца за то, что он «ответ держал... по совести». Понятие же «совести» в русской христианской традиции — от древнерусской словесности до Толстого и Достоевского — имеет сверхзаконный статус и противостоит «праву» (Закону).

Более того, в поэме Лермонтова мы можем угадать намек на то, что и «обидчик» Кирибеевич, будучи убит (иными словами, наказан за свое беззаконие по отношению к Алёне Дмитриевне), тем не менее парадоксальным образом получает прощение. Однако это прощение — отнюдь не на земле. Напомним «клич», который велел кликать царь Иван Васильевич: «Кто побьет кого, того Царь наградит, / А кто будет побит, тому Бог простит».

Мы видим, что «побит» оказался именно гордый (до этого кулачного боя) опричник Кирибеевич: можно надеяться, что и он — зато — получит Божие прощение, хотя и за пределами его жизни.

Но как же в таком случае интерпретировать следующие строки лермонтовской поэмы:

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорную (2, 431)?

По-видимому, в данном случае мы можем усмотреть своеобразный, хотя и весьма своеобразный, христоцентризм. Не стоит забывать, что и казнь Христа также была «лютой, позорной»: именно таковой во времена Христа считалась

смерть на кресте. Христос пострадал за всех людей мира, взяв на себя грехи этого мира. Степан Калашников принял смерть, искупая «грех» (хотя и невольный) своей жены Алёны Дмитриевны — и, как уже было подчеркнуто, — всего рода Калашниковых. Именно поэтому нет никакого «осуждения» купца Калашникова, напротив, люди, проходя мимо его «могилки», помнят о нем:

Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуляры — спюют песенку (2, 431).

По-видимому, не случайно, что и завершается текст тройным славословием («Слава»), хотя это славословие и не относится непосредственно к Степану Парамоновичу, но ассоциативно все-таки связано с его жертвенностью «за други своя».

Типологически то же самое сверхзаконное торжество Благодати мы видим и в финальном завершении поэмы «Демон»: ведь хотя героиня и поддается соблазну («Увы! злой дух торжествовал!» (2, 533)), но в сражении за душу Тамары Ангел побеждает Демона: «И рай открылся для любви!» (2, 539).

В романе «Герой нашего времени» мы также можем заметить столкновение Закона и Благодати: с той существенной разницей, что основной герой романа, Печорин, не может найти себе применение ни в одной ячейке общественного социума, его не удовлетворяет ни одна роль в миропорядке. Как герой рассуждает о себе: «...зачем я жил? Для какой цели я родился? А верно она существовала, и верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе силы необъятные...» (4, 438). Зададимся вопросом: разве исключительно о «недолжной» российской действительности рассуждает герой? Нет, речь идет о его жизни как таковой. Чувствуя в душе «силы необъятные», герой постоянно игнорирует «филистерские» условности. Иными словами, он не может удовлетвориться рамками Закона, ибо «назначение высокое» не определяется этими рамками, но потому и несчастен, что оказывается не способен к обретению Благодати.

Примеры из других художественных текстов можно было бы продолжать и дальше.

Таким образом, хотя то столкновение «идеала» и «действительности», которое столь часто читатели видят в художественном мире Лермонтова, исследователи чаще всего возводят к романтической парадигме, наряду с таким «историко-литературным» объяснением мерцает и столкновение Закона и Благодати, пронизывающее собой всё пространство русской литературы как средневековой, так и новой.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- ¹ *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. С. 390. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи: в круглых скобках после цитаты с указанием тома, страницы.

Список литературы

1. *Евчук О. П.* Религиозно-философские контексты поэтики М. Ю. Лермонтова. Омск: Вариант-Омск, 2012. 120 с.
2. *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
3. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
4. *Есаулов И. А.* Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с.
5. *Киселева И. А.* Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. 314 с.
6. Лермонтов и Православие. М.: Издательский дом «К единству!», 2010. 510 с.
7. *Нестор (Кумыш),* игумен. Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути. М.: Изд-во Свято-Алексиевской Пустыни, 2008. 288 с.
8. *Ходанен Л. А.* Семиосфера храма и поэтика монастырских сюжетов в творчестве М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian-literature.com/ru/hodanen-semiosfera-hrama-i-poetika-monstkyrskih-sjuzhetov-v-tvorchestve-lermontova> (дата обращения: 08.08.2014).

Ivan Andreevich Esaulov

*Doctor of Philology, Professor of The Maxim Gorky Literature Institute
(Moscow, Russian Federation)
jesaulov@yandex.ru*

**THE CATEGORIES OF LAW AND GRACE
IN LERMONTOV'S POETICS**

Abstract. The article substantiates the necessity of a new interpretation of Lermontov's works in terms of the categories of Russian philology which emerged over the last decades. In one way or another, all of them go back to the notion of the unity of the Russian culture and actualize various aspects of this culture. The mental model of a preference for the "above the law" freedom to the "legalistic" necessity dominates Lermontov's art world. The ideal, which Lermontov, as well as a number of his characters, would like to put into practice, is unattainable not only in Russia or any other country, but also in general on earth. Relations above the law are inherent in the ideal space of Holy Russia rather than the historical Russia. However, these very above the law relations were recognized both by Russian writers and their readers as a spiritual, ethical and aesthetical reference point of a kind. Through the collision of "the ideal" and "the reality", which researchers mostly trace back to the romantic paradigm, shines the fundamental opposition of Law and Grace that penetrates the whole space from medieval to modern Russian literature.

Keywords: Law, Grace, Christocentrism, Lermontov, a new interpretation

References

1. Evchuk O. P. *Religiozno-filosofskie konteksty poetiki M. Yu. Lermontova* [Religious and philosophical contexts poetics Lermontov]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2012. 120 p.
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1995. 288 p.
3. Esaulov I. A. *Pashal'nost' russkoy slovesnosti* [Pashal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p.
4. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian classics: a new interpretation]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p.
5. Kiseleva I. A. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema* [Art of M. Lermontov as a religious and philosophical system]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 314 p.
6. *Lermontov i Pravoslavie* [Lermontov and Orthodoxy]. Moscow, «K edinstvu!» Publ., 2010. 510 p.

7. Nestor (Kumysh), Father Superior. *Poemy Lermontova kak osnovnye vekhi ego dukhovnogo puti* [*Lermontov's poem as periods of his spiritual journey*]. Moscow, Svyato-Aleksievskaya Pustyn' Publ., 2008. 288 p.
8. Khodanen L. A. *Semiosfera khrama i poetika monastyrskikh syuzhetov v tvorchestve M. Yu. Lermontova* [*Semiosphera of temple and poetics of monastery stories in the works of M. U. Lermontov*]. Available at: <http://russian-literature.com/ru/hodanen-semiosfera-hrama-i-poetika-monskyrskih-sjuzhetov-v-tvorchestve-lermontova> (accessed 8 August 2014).